

Мария Данилова

АНЯ

ЗДЕСЬ и ТАМ

Мария Данилова

Аня здесь и там

«Розовый жираф»

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова М.

Аня здесь и там / М. Данилова — «Розовый жираф», 2022

ISBN 978-5-4370-0346-6

Жизнь маленькой Ани течет размеренно и счастливо. Летом – в деревне, с черничными полянами, и высокими соснами и теплым озером. А зимой в Москве, с Третьяковской галереей и подарками из «Детского мира». Но однажды эта жизнь заканчивается. Теперь Аня живет в Нью-Йорке. Пока родители учатся в университете, она ходит в американскую школу, вместо супа обедает сэндвичами с вареньем, ищет новых друзей и привыкает ходить без шапки на улице. Повесть Марии Даниловой «Аня здесь и там» в 2020 году вошла в финал детской литературной премии имени Крапивина. Это история о взрослении между двух культур, о том, как важно, где бы ты ни был, знать, что всегда можешь вернуться домой.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4370-0346-6

© Данилова М., 2022

© Розовый жираф, 2022

Содержание

Глава 1. Один прекрасный день	7
Глава 2. Наша веселая семейка	13
Глава 3. Новость	18
Глава 4. Нью-Йорк	24
Глава 5. Самый длинный день	31
Глава 6. Американская школа	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Данилова

Аня здесь и там

Иллюстрации Анны Подлипенцевой

© М. Данилова, текст, 2021

© А. Подлипенцева, иллюстрации, 2021

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2022

* * *

Посвящаю маме и папе

Глава 1. Один прекрасный день

1.

Один
прекрасный
день

По кусту черники ползла божья коровка – желтая. Я подставила к листикам ладонь, и она переползла мне на руку. Коровка двигалась быстро, щекоча меня своими лапками, и я никак не могла подсчитать количество пятен у нее на спине – то ли пять, то ли шесть. Она расправила крылья и собралась улететь. Нет, нет, погоди, постой! Я собрала ладони в домик.

– Мам, смотри, божья коровка!

– Сейчас, подожди, не могу оставить такой куст. Соберу и приду. – Мамин голос отозвался эхом.

Сквозь деревья и густую траву я видела только мамину джинсовую панамку. Мама сидела на корточках неподалеку, посреди небольшой полянки. Лица ее было не разглядеть, но я-то знала, что вид у нее крайне сосредоточенный.

Мама – чемпион мира по сбору черники. Когда она была маленькая, каждое лето ее бабушка ходила с ней в походы в черничные леса. Они собирали там так много черники, что, когда вечером мама ложилась в палатке спать и закрывала глаза, перед собой она видела пышный зеленый куст, облепленный синими ягодами.

Вот и сейчас мама наверняка набрала уже целую корзину, но бросить хороший куст не может.

Я собирала чернику в небольшое пластмассовое ведерко, но у меня никогда не набиралось и половины. Да что там, даже горсти не набиралось, все каким-то образом оказывалось во рту. Поэтому, когда я возвращалась из леса, и лицо, и руки, и даже волосы у меня всегда были синие-красные, как будто произошло какое-то страшное преступление.

– Мам, ну ты идешь?

– Сейчас, сейчас. Ты Дедушку позови.

Дедушка к чернике равнодушен, гораздо больше его интересуют грибы. Но мы стали брать его с собой в лес с тех пор, как мама заблудилась и два часа не могла найти дорогу домой. А все потому, что в погоне за черникой мама впадает в такой азарт, что забывает обо всем на свете. Хорошо, что тогда она успела послать папе свои координаты, перед тем как в телефоне

села батарейка, и он смог ее спасти. С того дня в качестве компаса и спасательного отряда мы брали с собой дедушку.

Дедушка делал все тщательно. Он срывал только самые крупные ягоды и аккуратно складывал их в корзинку, ягодка к ягодке, без единого зеленого листочка, сосновой иголки или случайного муравья. Зато набирал он раза в два меньше мамы, а после того, как его корзина попадала ко мне в руки, и от этой половины мало что оставалось.

– Де-ду-шка! – прокричала я изо всех сил.

Дедушка направился ко мне. Я услышала, как захрустели ветки под его резиновыми сапогами и зачавкал мох. Он подошел, достал из нагрудного кармана очки и наклонился посмотреть, кого же я там поймала.

– Ух ты, желтая! Это к удаче. Загадай желание, а потом сдуй ее с руки, и желание сбудется.

– Вот это да! – обрадовалась я. Только что же загадать?

У меня было много желаний. Во-первых, мне нужен был сачок, чтобы ловить на озере мелких рыбок. Во-вторых, я хотела новый велосипед, мой мне был уже мал. А в-третьих, я хотела, чтобы моего лучшего друга Андрюшу перевели в мою школу. В детский сад мы ходили вместе, а потом он с родителями переехал в новый район, и теперь школа была у каждого своя.

Я разомкнула руки, но пока я решала, какое из желаний выбрать, божья коровка расправила крылья и выстрелила вверх, унеся с собой мои желания.

Ну вот.

Дедушка торопил нас домой. Он говорил, что у бабушки уже наверняка стынет на столе обед и что она будет сердиться. Бабушка не любит, когда ребенку нарушают распорядок дня или, что еще хуже, портят аппетит. Ребенок – это я.

Дедушка забрал наш улов – мамину тяжелую корзину и мое пустое ведерко.

– Я пошел заводить машину, – сообщило нам Дедушкино эхо. – Приходите скорей.

– Идем, идем, – прокричала в ответ мама, а сама посмотрела на меня хитрым взглядом и прошептала:

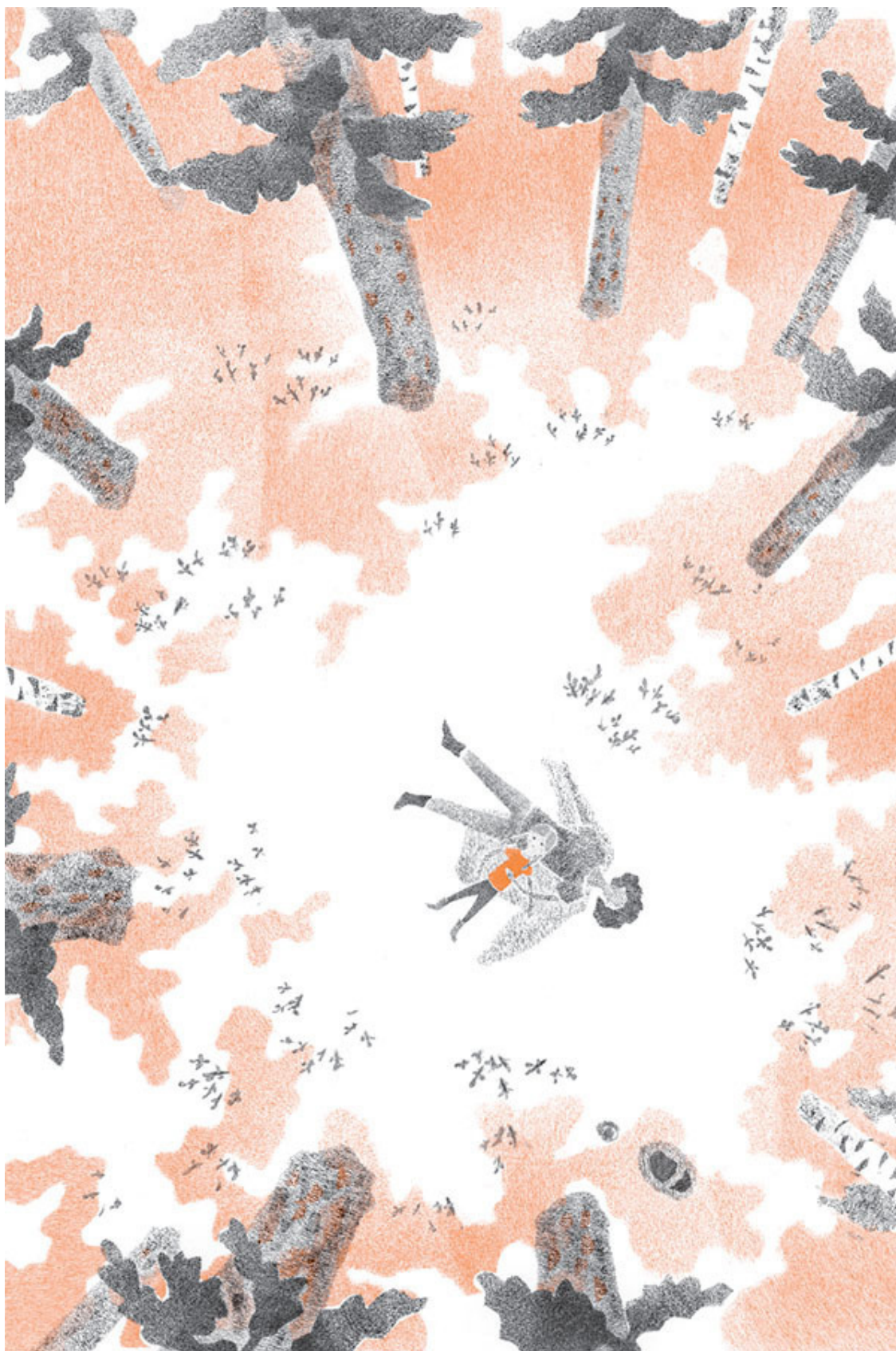
– Давай полежим?

Мы с мамой любим лежать в лесу – просто валяться на траве и смотреть на небо. Дедушка с бабушкой такие наши действия не одобряют. Дедушка говорит, что нас искушают комары, муравьи и клещи, а может даже и змеи, а бабушка – что мох влажный, земля холодная и что ребенок простудится и заболеет.

Но разве нас это остановит?

Мы вышли на мамину полянку, где после нее, казалось, не осталось ни одной ягодки. Вот она, работа профессионала! Мама сняла свою толстовку, постелила на землю и легла. А я легла поперек нее, положив ей голову на живот, так что из нас получилась буква Т.

Я смотрела на небо, и оно было зеленым. Деревья, растущие по краям нашей полянки, взмывали высоко-высоко и застилали небо своими кронами. Только небольшой кружок посредине оставался голубым.

Мама вытянула в сторону руку, пошуршала в траве и протянула мне горстку ягод.
– Я приберегла этот кустик для моего самого черничного друга, – улыбнулась она.

Я медленно отправляла в рот каждую ягодку, прижимала ее языком к небу, и она брызгала кисло-сладким соком. Мы с мамой смотрели вверх и наблюдали, как белые облака всплывали в маленький голубой кружок неба, а потом выплывали из него.

– Мам, божья коровка улетела, а я даже не успела загадать желание.

– Ничего страшного, она обязательно прилетит еще или пришлет подругу. А что ты хотела загадать?

– Сначала я хотела сачок. Потом новый велосипед. Но потом передумала.

– И что же ты хочешь теперь?

– Я хочу, чтобы мы с Андрюшей ходили в одну школу. Ты думаешь, божья коровка сможет помочь?

Мама положила руки под голову и вздохнула. Я почувствовала это, потому что моя голова, лежащая у нее на животе, сначала приподнялась вверх, навстречу зеленому небу, а потом опустилась.

– Знаешь, – наконец сказала она. – Иногда одни наши желания не сбываются или сбываются не сразу. Зато сбываются другие.

Мама протянула мне еще пару ягод.

– Мам, знаешь, о чем я сейчас думаю?

– О чем?

– Мне кажется, из нас получается классная буква Т.

После обеда мы с мамой затеяли готовку. Мы решили, что испечем к папиному приезду черничный пирог. Папы не было целую неделю, и мы очень соскучились.

Мама замесила тесто, а я раскатывала его скалкой – вперед, назад, вперед, назад, словно качалась на качелях. Мои синие руки, которые маме так и не удалось отмыть, блестели от масла. Я набрала в горсть муки, чтобы присыпать тесто, как вдруг услышала шум в прихожей.

– А что это вы меня не встречаете? – Папа стоял на пороге, такой красивый и такой родной. В одной руке у него был чемодан, а в другой – знаете что? Сачок! Спасибо, божья коровка!

Я побросала все, что было у меня в руках: и скалку, и тесто, и муку, и, оставив позади себя белое облако мучной пыли, понеслась к папе, визжа на весь дом.

– Папа! Озеро!

– Руки помой, – прокричала мне вслед мама.

Но было уже поздно. Я запрыгнула на папу, чуть не сбив его с ног, и хорошенько сдобрила его голубую рубашку мукой и маслом.

Папа еле успел чмокнуть маму, сбросил на пол свой рюкзак и чемодан, и вот мы уже неслись на велосипедах на озеро. Я чувствовала на лице ветер, солнце, дорожную пыль и лето. Из рюкзака у меня за спиной торчал сачок.

– Быстрее, – кричал папа и крутил педали. – У нас много дел!

Мы проносились мимо бревенчатых деревенских домов, уже изрядно покосившихся, мимо подсолнухов, которые подставляли солнцу свои желтые лица, мимо дачного поселка Завидное (хотя дедушка говорил, что завидовать там абсолютно нечему: дома как дома, а участки вообще крохотные), мимо двух старых тракторов, которые ржавели на краю поля, мимо фонарного столба, на котором свил гнездо аист, мимо продуктового магазина, где продавались очень вкусные ватрушки, мимо колодца. Но когда мы вылетели на асфальтовую дорогу, нам пришлось резко затормозить. Путь нам преградило стадо коров, которые возвращались домой с пастбища.

Коровы шли вразвалку – медленно, вальяжно. Они то и дело застревали у чьего-то забора, чтобы пощипать травку или похлебать из лужи воды, и пастуху приходилось подгонять то одну, то другую.

– Марта! – окрикнул он толстую рыжую корову во главе стада.

Но Марта не обращала на него никакого внимания и продолжала свою неспешную трапезу.

Вслед за Мартой остановились и другие коровы.

– Вот упрямая, – рассердился пастух. – А ну пошла!

Но Марта и не думала двигаться с места. Она лениво пережевывала траву, шлепая огромными губами, и ее хвост ходил из стороны в сторону словно маятник, отгоняя мух.

– Давай же! – Пастух тихонько стукнул Марту прутиком по жирному боку.

– Ах так! – промычала ему в ответ Марта. – Ах так!

Она наконец оторвала морду от травы и устремила на пастуха гордый и надменный взгляд. Сейчас она выскажет ему все, что накопилось в ее коровьей душе. Чинно, степенно Марта вышла на середину улицы Ленина, несколько раз встряхнула ушами, приподняла хвост, и на самую главную улицу нашей деревни одна за другой шлепнулись густые, дымящиеся лепешки.

– Папа, смотри, она какает! – прокричала я и от восторга чуть не выронила велосипед. – Вот это да!

Только ради этого стоило поехать на озеро!

Сделав свое дело, Марта, так уж и быть, двинулась в путь, увлекая за собой подруг.

Обычно мы с папой купаемся до посинения, то есть до того момента, пока я не посинею от холода и у меня не начнут клацать зубы.

Но под вечер вода на озере теплая, как компот, и посинение у меня никак не наступало. Папа поднимал меня высоко вверх и со всего размаху бросал в воду. Я пыталась сгруппироваться и занырнуть солдатиком, но вместо этого уходила под воду чем-то вроде мешка с картошкой. Брызги летели аж до другого берега. Конечно, таким своим поведением мы распугали всех рыб, особенно тех малявок у берега, которых мы собирались ловить в сачок.

Поэтому вместо рыбалки мы решили заняться раскопками. Мы вылезли из воды и стали копать на песчаном пригорке огромную яму, чтобы замуровать в ней меня. На озере никого уже не было, все разошлись по домам. Только на другом берегу виднелась пожилая дама в фиолетовом купальнике. Она зашла в воду и медленно поплыла в нашу сторону.

К тому времени, как женщина доплыла до нашего берега, папа уже так мастерски закопал меня в песок, что на поверхности торчала только моя голова. Женщина медленно вышла на берег.

– Вода просто парная! – блаженно сказала дама. Она щурилась, пытаясь разглядеть, что там лежало рядом с папой на песке. Видимо, очки она оставила на том берегу. – Какая благодать!

– Да, вода очень теплая! – ответила ей моя голова и мгновенно пожалела об этом.

Никогда я не думала, что пожилые фиолетовые дамы могут так визжать.

После чая с черничным пирогом мы втроем лежали на улице в гамаке – мама, папа, а посредине я. Вместе мы образовывали букву Ш, правда, снаружи ее не было видно, ведь мы были укрыты клетчатым пледом.

Уже почти стемнело, и бабушка безуспешно пыталась позвать нас в дом.

– Ребенку пора спать! – кричала она через открытое окно кухни.

– Ребенку тут очень хорошо! – не сдавалась мама.

– Ребенок уснет здесь, а потом мы отнесем ее в детскую, – примирил всех папа.
От радости я зажмурилась: мне удастся избежать вечерней чистки зубов.

Под пледом было тепло и уютно, а с мамой и папой – вдвойне. Мама гладила меня по голове, а папа отталкивался рукой от земли, и мы тихонько качались из стороны в сторону и смотрели, как белый шар солнца скатывается за горизонт.

Мы лежали молча и слушали вечер: лай соседской собаки, стрекот кузнечиков в траве, струю воды, поливающую дедушкины помидоры. Пахло вечерней росой.

Я закрыла глаза и увидела перед собой черничный куст – так же, как и мама в детстве.

Сквозь сон я слышала скрип двери и бабушкины шаги. По вечерам, когда выпадает роса, она надевает калоши, и они хлюпают на мокрой траве.

– Спит? – спросила бабушка шепотом.

Я почувствовала, как мама кивнула в ответ головой.

– Ну что, вы сказали ей?

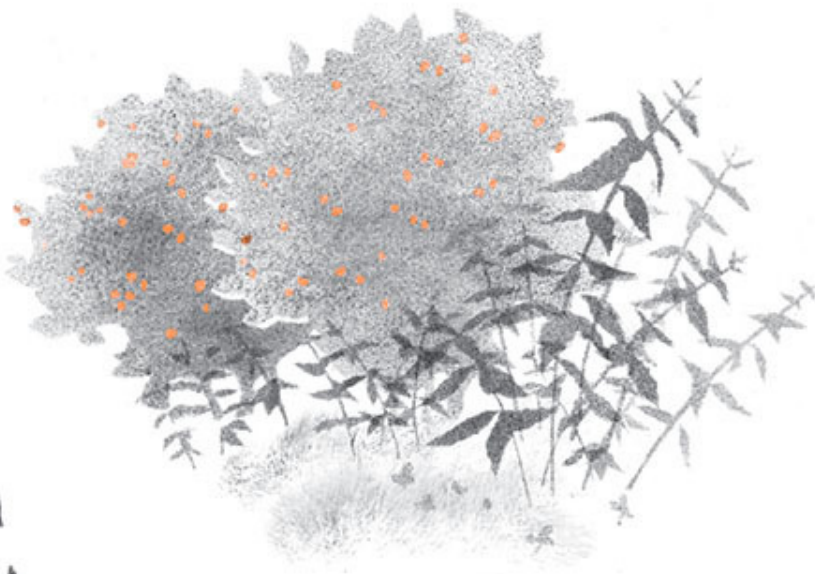
– Нет еще, завтра скажем, – шепнул папа, и мне показалось, что мама начала гладить меня по голове еще чаще и еще нежнее.

– Ясно, – вздохнула бабушка и ушла обратно в дом.

Еще несколько убаюкивающих качков в гамаке, и теперь я уже точно спала. Перед тем как я снова оказалась в черничном лесу, я успела подумать: интересно, о чем таком они хотят мне рассказать?

Глава 2. Наша веселая семейка

2. НАША ВЕСЕЛАЯ СЕМЕЙКА

- Саша, поставь кофе!
- Саша, где мои носки?

Так начинается в нашем доме каждое утро. Моих маму и папу обоих зовут Сашами, представляете?

Моя мама маленькая и кудрявая, а папа – худой и такой высокий, что маме приходится вставать на цыпочки, чтобы его поцеловать.

Мои мама с папой из разных городов. Вы спросите, как так получилось? Мама с папой познакомились в интернете и сначала не знали, кто где живет. А потом, когда они решили сходить в кино, то поняли, что папе будет довольно сложно провожать маму домой после фильма – сначала полчаса на метро, а потом семь часов на поезде. Но было поздно: как выразилась мама, клиент был уже готов.

Моя мама – феминистка, она борется за равенство мужчин и женщин. Поэтому они с папой договорились по-честному: сначала мама пожила с папой, а потом папа переехал к ней в Москву.

А потом у них родилась я.

Трудно придумать двух более разных бабушек и дедушек, чем у меня.

Начнем с того, что одних, папиных родителей, так и зовут: Бабушка и Дедушка. А маминых – Оля и Леша.

Бабушка и Дедушка больше не работают, они пенсионеры. Они продали свою квартиру в городе и построили большой деревянный дом в деревне. Деревня называется Ласковое, лучшего названия и не придумаешь. Мы проводим у них каждое лето.

Оля с Лешей живут и работают в Москве, а выходные проводят на даче в Подмосковье. Дача находится в поселке, где когда-то жили известные писатели, и, видимо, поэтому там растут сосны (мама говорит, что под соснами писателям лучше пишется). Вот и она выросла под этими соснами и стала журналисткой – это почти то же самое, что писательница.

Сосны эти такие высокие, что, когда они качаются на ветру, у меня захватывает дух. Вдруг упадут?

На даче Леша носит красные штаны, хотя Оле они очень не нравятся. Штаны протертые и топорщатся на коленях. Оля жалуется, что в них Леша превращается в старого деда, а ей нужен энергичный красивый мужчина.

Однажды Оля припрятала эти штаны, а когда Леша уехал в командировку, отнесла их на помойку.

Леша очень огорчился, когда узнал об этом.

– Вот до чего доводит этот ваш феминизм! – негодовал он.

Оля думала, что может рассчитывать на мамину поддержку, ведь феминистки защищают права женщин. Но, как ни странно, мама встала на Лешину сторону и купила ему новую пару. В данном конкретном случае, объяснила мне мама, она выступила за справедливость. Потому что каждый человек, и женщина, и мужчина, имеет право выбирать себе штаны.

Оля с Лешей купили эту дачу, когда мама была маленькой. На участке тогда рос огромный малинник, и соседи рассказывали, что за лето с него можно было снять двадцать ведер малины. Но постепенно ягод становилось все меньше, зато крапивы все больше, и в конце концов малина исчезла. Оказалось, что ей нужно заниматься. А Леша и Оля занимались наукой, и на малину у них времени не было.

С тех пор вместо овощей и фруктов на нашей подмосковной даче росли только шишки на соснах.

Зато, когда я родилась, Оля посадила перед домом еще одну маленькую сосну. Ее назвали в мою честь – сосна Анята.

Как вам описать Олю и Лешу? Про Лешины красные штаны я уже рассказала. Сам Леша высокий и громкий. Все, что он ни делает, – готовит ли завтрак, читает ли мне книгу или просто открывает или закрывает дверь, – все у него выходит очень громко. А уж если дома гости...

Обычно, когда к Оле с Лешей приезжают друзья, они накрывают стол на улице, едят суп из супницы и пьют Лешину домашнюю вишневую наливку. Так вот, если вы отойдете на самый дальний конец участка, к забору, туда, где раньше росли двадцать ведер малины, вы все равно услышите Лешин голос.

– Ну елки-палки! – будет раскатываться по участку. – Не может быть!

И елки-палки, ну то есть сосны, будут качаться в такт его смеху.

После ужина меня обычно укладывают спать, а взрослые садятся пить чай на веранде. Леша подливает всем вишневой наливки и рассказывает веселые истории из своей жизни. Например, как он сбежал с уроков в школе, а потом, когда его отвели к директору, молчал как партизан и ни в чем не сознавался. Или как он взял автограф у космонавта. Или о том, как, когда он отмечал свое двадцатипятилетие, гости устроили такой кавардак, что разбили люстру...

Мама в такие моменты очень нервничает и пытается уговорить Лешу.

– Папочка, ну пожалуйста, постарайся хоть чуть-чуть потише. Аня сейчас проснется.

– Ничего она не проснется! – восклицает Леша. – А если проснется, то даже к лучшему.

Где еще она услышит такие интересные истории?

– Это уж точно, такого она не услышит больше нигде, – смеется мама.

Вот именно, думаю я. Поэтому лежу себе тихонечко в темноте и все внимательно слушаю.

У Оли темные кудрявые волосы, подстриженные в каре, как у мамы. На руках – маникюр, кольца и браслеты. Оля любит наряжаться и всегда носит с собой сумочку, даже когда выходит со мной на детскую площадку или идет гулять с Лялей.

Ляля – это наша собака. Такое имя придумала ей я, когда только училась говорить и ничего кроме «ля-ля» сказать не могла. Ляля – дворняжка, она забрела к нам на дачу несколько лет назад, и ей так понравилось, что она отказалась уходить. Но Оля с Лешей совершенно не собирались заводить собаку, ведь у них нет времени ни на что, кроме науки. (Вы же помните, что произошло с малиной?) Они отвезли Лялю в приют, чтобы там ей подыскали семью. Но Ляля сбежала из приюта и вернулась к нам на дачу, потому что сама уже подыскала себе семью – нас.

У Бабушки с Дедушкой все по-другому.

Дедушка невысокого роста и худой, волосы и борода у него седые-преседые, аж белые. А Бабушка на голову выше Дедушки и почти в два раза шире его. Дедушка говорит, что с такой Бабушкой, как наша, он чувствует себя как за каменной стеной. Но я не согласна. Каменная стена – твердая и холодная, а Бабушка мягкая и теплая.

Бабушку зовут Таня, Татьяна Борисовна, а Дедушку уже никто и не помнит, как зовут, потому что с тех пор, как они поженились уже почти сорок лет назад, все называют его Татьян Борисович. Знают, кто в доме за главного.

Дедушка любит помолчать. Часто за обедом и за ужином он вообще не произносит ни слова: сидит молча, сосредоточенно жует огурец со своей грядки и думает о чем-то. А если и скажет что-то, то только по делу. «Бабушка, а где соль?» «Бабушка, а где хлеб?» Бабушка сразу вскакивает из-за стола и бежит за солью и хлебом, а мама закатывает глаза и бурчит себе под нос, что мужчины тоже должны заниматься домашним хозяйством.

Даже когда Бабушка с Дедушкой играют вечером в нарды, от Дедушки по-прежнему не добиться ни слова, он только стучит фишками по деревянной доске.

Но если спросить Дедушку про его сад-огород, то тут его уже будет не остановить. Он станет восторженно объяснять вам, какие сорта винограда самые сладкие, что делать, если подмерзла клубника, ну и, конечно, самое главное – научит, как правильно раскидать по грядке навоз.

У Дедушки в саду растет все, что только можно придумать. Яблок – восемь сортов. Кукуруза – ростом выше папы. Помидоры – такие мясистые, что за рассадой к Дедушке ходит вся деревня. Даже арбузы, маленькие и сладкие, растут у него возле забора – там, где больше всего солнца.

А Бабушкина страсть – готовка. Ведь кто-то должен пустить в дело весь тот урожай, который собирает Дедушка. Она стоит у плиты с утра до вечера, снимая фартук только на время сна. Бабушка постоянно что-то жарит, режет и помешивает на плите, и ее спина, перетянутая тесемками от фартука, ходит ходуном, потому что Бабушка всегда все делает с азартом и страстью.

Я даже научилась по звуку определять, что сегодня будет на обед или на ужин.

– Вжик-вжик-вжик. – Это Бабушка режет капусту для капустного пирога.

– Пш-ш-ш-ш-ш. – Это Бабушка бросила котлеты на сковороду.

– Бульк. – Это она окунула фрикадельки в бульон.

А летом Бабушка еще и делает заготовки на зиму – засаливает огурцы и помидоры, варит варенье.

– Идите сюда, мои хорошие, – приговаривает она, заталкивая помидоры в банку.

Но когда какой-то особенно толстый Дедушкин помидор не пролезает в горлышко, пощады ему не видать.

– Ишь чего захотел! – негодует Бабушка. Она силой пропихивает несчастный помидор внутрь и заливает его кипятком. – Я тебе покажу!

Кроме стряпни Бабушка обожает телесериалы о любви. Она говорит, что там показывают настоящие чувства. А от Дедушки разве их дождешься? Он вечно в своих огурцах.

Однажды в одном таком сериале, который назывался то ли «Океан любви», то ли «Море страстей», одна красивая тетя вертелась около одного красивого дяди, хотя у красивого дяди уже была жена. Бабушке это очень не нравилось.

– В чужое просо не суй носа! – говорила Бабушка. У нее на любой случай найдется пословица или поговорка.

Видимо, как и я, тетя на экране не понимала смысла этой поговорки, поэтому она продолжала охмурять дядю – присела рядом с ним на диван, протянула ему бокал вина и принялась гладить его по голове.

Вытерпеть такое Бабушка не смогла. Она схватила Дедушкину газету, свернула ее в трубочку и обрушилась на тетю с такой же силой, с которой недавно обрушилась на нерадивый Дедушкин помидор.

– Ишь чего захотела! – лупила она газетой по экрану. – Я тебе покажу!

Я, конечно, была на стороне Бабушки, но все же надеялась, что она не станет поливать телевизор кипятком. Этого, слава богу, не понадобилось. Не выдержав наказания газетой, красивая тетя расплакалась и убежала с экрана.

Только вы не думайте, пожалуйста, что Бабушка строгая. На самом деле она очень ласковая и добрая. Просто ей хочется, чтобы все в мире были такими же добрыми, как она. А еще – чтобы я правильно питалась, много спала и не сидела на сквозняках.

Лешу больше заботит мое культурное воспитание – он все время тащит меня в Третьяковскую галерею. Я, честно говоря, не очень люблю ходить по музеям – мне бы лучше на батут или в парк аттракционов. Я пробую разжалобить Лешу – понуть, поскулить, даже поплакать, – чтобы остаться дома. Но с ним такие номера не проходят. Можете даже и не пробовать, уж поверьте моему горькому опыту.

– Анна Александровна, это ваше культурное наследие! Так что будьте любезны, – говорит Леша вроде строго, но при этом нежно берет меня за руку.

А потом добавляет:

– Ну хорошо, после Третьяковки пойдем в «Макдоналдс».

Вот такое окультуривание мне по душе!

А в музее, оказывается, очень даже интересно: там есть и богатыри, и грачи, и медведи в лесу, и нарядная тетя в карете.

А еще на одной картине нарисована молодая девушка, которую заставляют выйти замуж за мерзкого сухого старика. А любит она другого, молодого и красивого, который стоит сзади и чуть не плачет.

– Видишь, какая несправедливость! – возмущается Леша.

– Не переживай, – успокаиваю я его. – Для этого мама и стала феминисткой, чтобы в наше время такого не происходило.

А после окультуривания и обеда в «Макдоналдсе» меня забирает Оля, и мы идем с ней в «Детский мир» – огромный магазин в центре Москвы. Оля покупает мне кучу всего – кукол, леги, одежду, мороженое. Она говорит, что, когда мама была маленькая, в этом самом «Детском мире» было пусто и у мамы было всего два платья: одно красное, другое – тоже красное, но в желтый цветочек. Поэтому сейчас Оля очень хочет меня побаловать и купить мне все, что когда-то не смогла купить маме. После таких походов мы с Олей обычно возвращаемся домой ближе к вечеру, нагруженные коробками и пакетами, и сразу прячем их в шкаф, чтобы побереечь мамини нервы. Потому что если мама узнает, до какой степени меня разбаловала в тот день Оля, то очень расстроится.

У Дедушки другие развлечения. Он регулярно ходит к врачу, пьет витамины и занимается йогой.

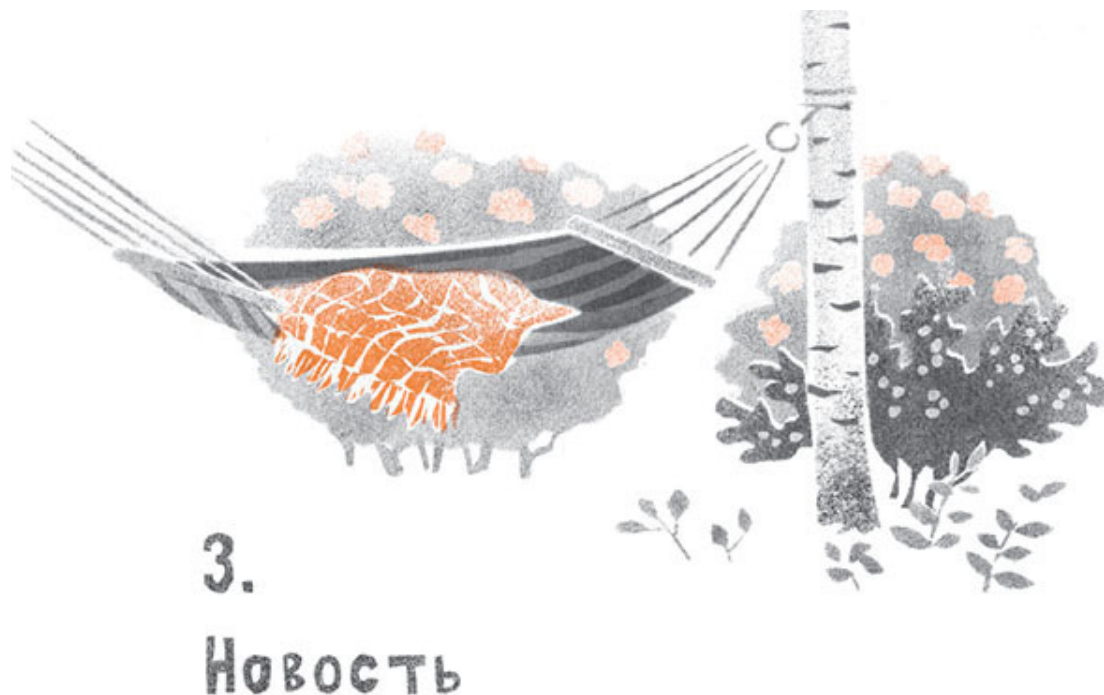
Обычно это происходит утром, когда вся семья завтракает. Дедушка надевает спортивный костюм, становится посреди гостиной и принимает разные странные позы: то сгибается пополам и упирается в пол ладонями, будто он равнобедренный треугольник, то стоит на одной ноге, словно дерево, сомкнув руки над головой, то садится на невидимый стул. На самом деле, конечно, ни на какой стул он не садится, просто так он достигает единства со своим истинным «я» и обретает гармонию. Мама при этом качает головой и закатывает глаза.

Когда в конце лета мы с мамой и папой возвращаемся на поезде в Москву, Бабушка и Дедушка всегда провожают нас на вокзале. Я прилипаю носом к окну нашего купе, а они стоят на платформе и машут мне рукой. Дедушка машет едва заметно, а Бабушка – так рьяно, что ее большая грудь колыхнется из стороны в сторону.

А когда я просыпаюсь утром, наш поезд уже подъезжает к вокзалу в Москве, и в окне, на перроне, я вижу Лешу и Олю. Только здесь – все наоборот. Леша машет сразу обеими руками да еще и кричит «Ну наконец-то!», так что его слышно даже через толстое оконное стекло. А Оля стоит рядом, улыбается и придерживает свою сумочку, в которой наверняка лежит для меня подарок.

Получается, что от одних бабушки и дедушки я поступаю прямиком к другим. Они словно передают меня из рук в руки, из объятий в объятия, и ничего, ничего плохого никогда не сможет случиться ни со мной, ни с мамой и папой, потому что они не дадут.

Глава 3. Новость

Я проснулась от того, что за окном кричали. Кричащих было двое: соседский петух и Бабушка. Причем Бабушка кричала громче. Я выглянула в окно и увидела знакомую картину.

Бабушка стояла у забора и была похожа на римского легионера, который подошел к стенам врага. Для полной победы ей не хватало только доспехов. По другую сторону металлической изгороди стояла соседка Наташа, скрестив руки на груди. Из-за ее спины выглядывали две светлые головы ее старших мальчишек, Вовки и Антоши.

– Ваш петух не дает спать моему ребенку! – негодовала Бабушка. – Если вы не угомоните эту безумную птицу, я сама сварю из нее суп!

– Только попробуйте, – ответила ей Наташа ледяным голосом. – И от ваших яблонь не останется даже огрызка!

Моя Бабушка – самая добрая бабушка в мире. Но у нее есть один заклятый враг: соседский петух.

Все началось в прошлом году, когда пустовавший участок рядом с нашим домом выставили на продажу и у нас появился сосед.

Сосед сразу же принялся строить на этом участке дом. Причем строил он его под музыку. Мало нам было шума от его бензопилы и бетономешалки, так он еще включал радио на полную мощность. От такой музыкальной программы у мамы болела голова.

А когда дом был построен, сосед перевез в него всю свою большую семью: жену, четырех мальчишек, собаку, двух котов, кур и петуха.

С мальчиками я подружилась. Они звали меня погонять в салки на нашей улице, а я угощала их Дедушкиной малиной – просовывала им ягоды прямо через металлическую сетку забора. Соседская собака сидела на привязи и нам не мешала. Один из котов, правда, по вечерам забирался на дерево и начинал выть. Но довольно скоро собаке это надоело, она поднимала лай, и кота будто ветром сдувало.

Но вот с петухом не могли справиться ни собака, ни коты, ни даже моя Бабушка.

Он просыпался раньше всех других петухов в Ласковом и орал так, как будто его сейчас пустят на жаркое. Дедушка говорил, что петухи реагируют на встроенные в них биологические часы, так вот часы этого петуха явно поломались. Иногда он начинал кукарекать, когда мы еще только ложились спать, иногда он голосил всю ночь напролет.

Больше всего из-за петуха переживала Бабушка. Она поднимала руки к небу и причитала:

– Этот петух будит мне ребенка!

– Так больше не может продолжаться!

– За какие грехи нам достались соседи с таким петухом?

Маме очень понравилось это Бабушкино высказывание, и она так и стала называть наших соседей – Грехами.
– У Грехов все еще горит свет?

- Грехи уехали рано утром.
- Когда уже Грехи сварят из этого петуха бульон?

И вот из-за этого петуха Бабушка в очередной раз ругалась с соседкой.

Ситуация накалялась. К забору прибежал Дедушка. Он был в спортивном костюме, потому что как раз занимался йогой. Дедушка попытался оттащить Бабушку с поля брани, но у ничего не вышло. Во-первых, Бабушка была гораздо крупнее Дедушки, а во-вторых, когда она входила в раж, то к ней и вовсе приходила исполинская сила.

Вскоре на улицу выбежала мама в ночной рубашке и со всклокоченными со сна волосами.

– Татьяна Борисовна, у вас сейчас опять подскочит давление. Вам нельзя волноваться.

– Конечно подскочит! – ничуть не успокоилась Бабушка. – Как тут не подскочить, когда ребенку не дают спать.

Наконец прискакал папа, пытаясь на бегу вдеть ногу в штанину джинсов. Спасти всех нас теперь мог только он.

– Мам, – сказал папа как ни в чем не бывало, как будто мы не стояли на пороге кровавой междоусобной войны. – Аня проснулась. Она очень голодная – вчера плохо поужинала. Просит оладушки.

– Боже мой! Бедняжка! – И Бабушку сдуло на кухню, так же как с дерева сдувало соседского кота.

В тот день мы ждали гостей – Рыжих. Марина, Дима и их сын Андрюша – наши лучшие друзья. Мы так называем их, потому что они и вправду рыжие – с головы до ног.

Мама училась с Мариной и Димой в институте, в одной группе. А потом мы с Андрюшей тоже учились в одной группе – в группе «Подсолнухи» детского сада номер 26.

Рыжие еще никогда не были в Ласковом, и мне не терпелось показать Андрюше все мое летнее царство: и лес, и озеро, и как какают коровы. А еще мы собирались построить из лего самую высокую башню в мире.

Поэтому после завтрака (ради спасения всех нас мне пришлось съесть очень много Бабушкиных оладий) я уселась на ковре в гостиной, чтобы разобрать к приезду Андрюши лего. На стене надо мной висели огромные олени рога, которые Дедушке с Бабушкой подарили друзья. Папе эти рога очень не нравятся, и он все порывается избавиться от них, как Оля от Лешиных красных штанов, но пока безуспешно.

Я взяла плетеную корзину, в которой хранился конструктор, и вывалила ее на ковер. Получилась огромная лужа из лего. Чего здесь только не было: кирпичики всех форм, цветов и размеров, машины, колеса, ковш от бульдозера, головы человечков и их головные уборы, железная дорога, рыбы, водоросли, пропеллер от вертолета. А также заколки, несколько монет, засохший яблочный огрызок и Дедушкина рулетка, которую он уже давно искал.

– Ничего себе. – Ко мне подошла мама. – Ты затеяла генеральную уборку?

– Затееяла, но что-то у меня пропало вдохновение.

Мама посмотрела на меня как-то странно.

– Анюта, нам нужно поговорить.

– Хорошо, ты говори, – а я буду складывать все это обратно в корзину, – по-деловому предложила я.

– Нет-нет, это важное дело, – сказала мама и покосилась на рога, как будто опасалась, что они станут подслушивать наш разговор. – Пошли на улицу, папа там.

Мы вышли во двор и сели на скамейку, которую недавно соорудил Дедушка. От нее еще пахло свежим деревом и лаком – это я помогала ему ее покрывать.

Мама с папой переглядывались и заметно нервничали. Мама все никак не могла выбрать удобной позы для разговора.

Сначала она посадила меня к себе на колени. Она обняла меня, поцеловала в макушку, потом наклонила голову и заглянула мне в лицо. Затем она зачем-то пересадила меня на колени к папе, а сама присела перед нами на траву и взяла меня за руку. Другую мою руку взял папа.

– Анюта, – сказала мама. – Мы с папой хотим сказать тебе что-то важное.

Та-а-а-а-ак... Вот тут уже занервничала я.

Последний раз, когда они хотели сказать мне что-то важное, ничем хорошим это не закончилось. У меня обнаружилось воспаление легких, и мы с мамой загремели на неделю в больницу. Приятного там было мало: капельницы, таблетки, белые халаты. Но сейчас-то у меня не было температуры и ничего не болело...

Тем временем мама продолжала. Она говорила про то, что в школе меня очень хвалят, что я очень способная и умная и все схватываю на лету. И что мама с папой тоже любят учиться, и, хотя они уже окончили университет, когда меня еще не было с ними, они бы хотели поучиться еще.

Пока что все выглядело не так уж и плохо. У меня складывалось впечатление, что в больницу мы не едем. И на том спасибо...

Так вот, говорила мама, они с папой поступили в один из самых лучших университетов на свете. Этот университет находится в Америке, в Нью-Йорке. Нью-Йорк – удивительный город, столица всего мира. В нем высокие здания и желтые такси. А еще – огромный Центральный парк, в котором очень много детских площадок. А еще нигде не отмечают Хэллоуин так, как в Америке. Дети наряжаются в маскарадные костюмы, стучатся в дом к незнакомым людям и получают от них конфеты!

И поэтому через несколько недель мы все сядем на самолет и полетим в Нью-Йорк.

– Вот, – выдохнула мама. Она была похожа на водолаза, который только что всплыл на поверхность воды после длительного погружения и наконец задышал.

Папа тоже облегченно улыбнулся.

Я смотрела на родителей с подозрением. Если все так хорошо, как они рекламируют, почему такая конспирация? Чего-то они недоговаривают...

– И мне тоже достанутся конфеты на Хэллоуин? – спросила я.

– Конечно, – улыбнулась мама и отпустила мою руку. – Целая корзина.

– И в Центральном парке я тоже буду гулять? И играть на детских площадках?

– Обязательно, – ответил папа и тоже отпустил мою руку.

Нет, все же что-то здесь не то...

– А где мы там будем жить?

– У нас будет большая квартира в высоком доме в одном из самых красивых районов Нью-Йорка.

– А я буду там ходить в школу?

– Да, ты станешь там лучшей ученицей.

В это время у Грехов опять закукарекал бешеный петух.

Я обвела взглядом наш участок. Около забора стоял Дедушка в своей серой «огородной» рубашке и колдовал с яблоней, «Белым наливом». В прошлом году она болела, и Дедушка так старательно лечил ее, израсходовал на нее бог знает сколько навоза, что в этом году она не выдерживала тяжести собственного урожая. Желто-зеленые яблоки облепляли дерево так густо, что веток вообще не было видно. Дедушка вкапывал в землю подпорки и подвязывал к ним самые тяжелые ветки. Рядом с могучей яблоней он казался еще более низким и худым.

Дедушка заметил на себе мой взгляд и просиял от гордости.

– Совсем скоро созреют! – закричал он.

Я перевела взгляд дальше.

Между двух берез висел наш гамак, в нем – клетчатый плед. Наверное, вчера вечером, когда мама с папой укладывали меня спать, они забыли занести его в дом. Хорошо, что ночью не было дождя.

Чуть поодаль росли кусты крыжовника. Красный крыжовник я уже почти весь обобрала, а из белого Бабушка собиралась сварить варенье – «Царское», так оно называлось.

Сама Бабушка стояла около клумбы с цветами. Она поливала гортензию из большой железной лейки и недовольно качала головой – видимо, опять сердилась на петуха.

И тут до меня дошло.

– Мам, – сказала я тихо. – А Бабушка с Дедушкой тоже поедут с нами в Нью-Йорк?

Мама молчала.

– А Оля с Лешей? А Ляля? А Рыжие?

Папа тоже молчал.

– А когда мы вернемся домой?

Мама притянула меня к себе и крепко обняла. И я поняла, что в Нью-Йорк мы отправляемся одни.

Глава 4. Нью-Йорк

Стюардесса поправила желтый шарфик, повязанный вокруг шеи, поднесла к лицу микрофон и затараторила на английском.

– Через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту Джона Кеннеди в Нью-Йорке, – перевел мне папа. – Капитан корабля просит пассажиров пристегнуть ремни безопасности и подготовиться к посадке.

Вот уж кого не нужно об этом просить, так это меня! Я уже час как прилипла к иллюминатору и не могла дождаться, когда мы уже приземлимся. Наш полет длился девять часов, и хоть я и пересмотрела все мультфильмы, которые показывали на борту, мне казалось, что я сейчас лопну от нетерпения.

Ну когда уже, когда?

За окном стоял ясный, солнечный день. Небо было нежно-голубое, прозрачное, и только несколько небольших облачков повисли в воздухе то тут, то там, словно куски ваты. Я смотрела вниз, жевала кончик своей косички и пыталась разглядеть город, в котором мы теперь будем жить.

Как вам объяснить, что я чувствовала, глядя в окно...

Катались ли вы когда-нибудь на американских горках? Помните, как это бывает?

Поначалу, когда вы только садитесь в вагончик, вы бодры и полны решимости. А если и волнуетесь, то совсем чуть-чуть. А потом двери защелкиваются, вагончик начинает медленно ползти вверх, грохоча о рельсы, и ваше легкое волнение сменяется страхом. Вы уже не понимаете, зачем вы вообще пошли на этот аттракцион, как такая дурацкая идея могла прийти вам в голову и почему вы не послушали маму... А поезд все едет и едет и, добравшись до верхней точки, до самого неба, замедляет ход и зависает над пропастью. Пассажиры позади вас улюлюкают и визжат, папа делает вид, что ему не страшно, но вас не обмануть – ему страшно, очень страшно, так же как и вам. Вы вжимаетесь в сиденье, впиваетесь руками в поручни и скулите себе под нос – нет, пожалуйста, не надо, я передумала. Но уже поздно, назад пути нет. Еще пару метров, еще один – мама! – и поезд срывается вниз, и вы – вместе с ним.

А внизу – Нью-Йорк.

Из окна самолета Нью-Йорк показался мне похожим на лес – только каменный.

Весь город был расчерчен на идеально прямые улицы, которые пересекались, как клетки на папиной рубашке. И на каждой такой клетке, на каждом сантиметре, на каждом клочке земли высились, словно спички, небоскребы, густо липли один к другому дома. Здания стояли так близко, что люди из соседних домов наверняка могли без труда подсматривать друг за другом. Изредка попадались зеленые пятна парков.

– Смотри, вот Центральный парк, о котором мы тебе рассказывали! – воскликнул папа, наклонившись к окну.

– Вот этот? – разочарованно спросила я.

Мама с папой говорили, что Центральный парк – чуть ли не самый большой парк в мире, а из иллюминатора он выглядел как Дедушкина грядка с перцами, не больше.

Мы опускались все ниже и ниже, облака остались вверху. Солнце светило так ярко, что наш самолет сам отбрасывал тень в виде маленького, будто игрушечного самолетика, который летел под нами и норовил нас обогнать.

Дома, совсем недавно казавшиеся такими крохотными, с каждой секундой становились больше. Деревья тоже росли. Еще чуть-чуть – и мы стали различать машины, ехавшие по шоссе, щиты с объявлениями и флажки на взлетно-посадочной полосе. Наконец, крыло самолета полностью поравнялось с землей и, чуть подпрыгнув, наш самолет приземлился. Ура! Я приготовилась поаплодировать пилоту за удачную посадку, но никто из пассажиров почему-то не стал хлопать, а сама я постеснялась.

Я удивленно посмотрела на папу. Тот пожал плечами:

– Видимо, здесь нет такой традиции.

Ну вот, начинается.

Мама улетела в Нью-Йорк на неделю раньше, чтобы подготовить все к нашему приезду, и сейчас должна была встречать нас в аэропорту. Но когда мы погрузили наши чемоданы на тележку и вышли в зал прибытия, мамы нигде не было. Всех вокруг встречали – родственники, друзья, дети, таксисты с табличками. Даже маленькую собачку в клетке, которая летела нашим рейсом, и ту ждала хозяйка, полная женщина в большой соломенной шляпе. «Нюшенька, как я скучала по моей девочке!» – кудахтала она.

А нас никто не ждал.

В недоумении мы с папой озирались по сторонам и были уже готовы расстроиться, уж я-то точно. Ну как же так! Вот представьте: вы летите через океан в новую страну, новый город – к маме, а ее нигде нет...

Вдруг где-то впереди послышался шум, топот и недовольные возгласы. Толпа вокруг нас заколыхалась, расступилась, и на всей скорости, словно ракета, к нам подлетела мама, улыбаясь и тяжело дыша – видимо, она очень быстро бежала. В руках мама держала большой красный воздушный шар, на котором было написано «Welcome to New York». Добро пожаловать в Нью-Йорк.

– Любимые мои! – воскликнула она. – Ну наконец-то!

Из-за этого шара мама и опоздала. Она купила его для меня по дороге в аэропорт, но, когда спускалась в метро, шар улетел. Так что пришлось возвращаться в магазин за новым. Поэтому сейчас мама объявила, что шар пока останется у нее, чтобы он уж точно никуда не улетел, а мне она его отдаст, когда мы доберемся до дома.

Мы сели в то самое желтое такси, о котором говорили мама с папой, и поехали в наш новый дом. По дороге выяснилось, что наш таксист – смуглый мужчина с тюрбаном на голове и густой седой бородой, похожий на Старика Хоттабыча, – сам только недавно приехал в Нью-

Йорк откуда-то издалека. Он почти не говорил по-английски и только приблизительно представлял, куда нужно ехать.

– Ну что ж, теперь-то мы уж точно в Нью-Йорке, – улыбнулся папа. – Нью-Йорк – город приезжих.

Пока мы ехали, мама рассказала, что Нью-Йорк делится на пять округов, которые называются боро. Самый главный боро – это Манхэттен, остров, расположенный на реке Гудзон. Он знаменит на весь мир своими небоскребами, красивыми улицами и музеями. И именно там мы будем жить.

Изрядно поплутав по городу, наше такси наконец остановилось перед высоким зданием из красного кирпича. Пока таксист выгружал из багажника чемоданы, мама с папой огляделись по сторонам и, очевидно, пришли в восторг.

– Нью-Йорк! Манхэттен! Не может быть!

Мама повисла на папе, они обнимались и целовались и не заметили, как во время очередного поцелуя мой шар выскользнул из маминых рук и улетел. Я задрала голову и молча смотрела, как он поднимался все выше и выше, и как дрожала, словно хвостик, на ветру его веревочка, и как шар становился все меньше и меньше, пока вовсе не превратился в красную точку на небе. Я очень старалась не расстраиваться, но у меня защипало в носу. Интересно, куда улетел мой воздушный шар? Может, домой?

Обняв меня и пообещав купить мне сто миллионов других шаров, мама повела нас в наш новый дом. Дверь в здание была необычная – вращающаяся. Чтобы войти в дом, нужно было как будто прокатиться на карусели и при этом не забыть в нужный момент изловчиться и спрыгнуть с нее. В вестибюле за столом сидел строгий усатый мужчина в темно-синей форме и фуражке. Мама улыбнулась ему и сказала что-то на английском, показав на нас. Мужчина молча кивнул в ответ.

Мама не обманула: наша квартира была просторная, гораздо больше той, в которой мы жили в Москве. Но при этом она была абсолютно пустая, я бы даже сказала, голая. Из мебели у нас был только скрученный в трубочку красный ковер, который достался маме от каких-то нью-йоркских знакомых, и большой надувной матрас в спальне.

И больше ничего: ни кроватей, ни стола, ни стульев. Бабушки и Дедушки тут тоже не было. А Оли, Леси и Ляли и подавно.

Я подошла к окну – передо мной простирался Нью-Йорк. Этажи, окна, пожарные лестницы, красный, коричневый и серый кирпич домов. И крыши, крыши, которые уходили лесенкой под горизонт, одна немного выше другой, следующая еще выше. В конце концов все эти здания упирались в тонкую полоску неба, такую тонкую, что кажется, дай им еще немного кирпича, и неба не осталось бы вовсе.

Здания и вправду стояли так близко друг от друга, что я отчетливо видела девушку в доме напротив. Она сидела за столом, уткнувшись в книги, и нас не замечала. Папа сказал, что девушка, наверное, тоже студентка Колумбийского университета, как и они с мамой.

Хотя я и знала, что мы в Нью-Йорке, мои глаза все равно произвольно искали то, что я привыкла видеть из окна нашей квартиры в Москве: шпиль Московского университета, где училась мама, круглый купол цирка, куда мы часто ходили с папой, трамвайные пути.

Ничего такого здесь не было. Я вздохнула.

– Так, так. – Мама подошла к окну и обняла меня. – Не раскисать. Сейчас будем обедать.

Пока мама хлопотала на кухне, папа расстелил посреди гостиной красный ковер и поставил на него картонную коробку. Теперь у нас был стол.

Я хорошо запомнила тот наш первый обед в Америке на картонном столе. Мы ели борщ, котлеты и пили яблочный компот.

Мама рассказала, что, как только она прилетела в Нью-Йорк, она первым делом побежала покупать кастрюли и сковородки, чтобы приготовить к нашему приезду домашний обед. Пусть у нас первое время не будет стола, решила она, зато будут котлеты. Потому что, как любит говорить Оля, в доме, где пахнет котлетами, хочется жить.

До котлет у меня, правда, дело не дошло. После борща я заснула прямо на красном ковре, ведь в Москве в тот момент уже была глубокая ночь. Родители перенесли меня в спальню и уложили на надувной матрас. Хорошо, что я уже спала, а то мне было бы слишком грустно.

На следующий день мы проснулись рано, потому что еще жили по московскому времени. Там была середина дня, и Оля с Лешей сейчас, наверное, капали что-нибудь в пробирки в лаборатории или изучали под микроскопом своих микробов. Дедушка, скорее всего, копался в огороде в своей серой рубашке, пока Бабушка готовила обед. А Нью-Йорк еще спал, даже девушки-соседки не было видно в окне.

Мама сварила овсяную кашу, и мы снова собрались за нашим картонным столом.

– Сегодня мы поедem за мебелью, – объявила она и принялась помешивать кашу в моей тарелке, чтобы остудить ее.

– Здорово. А куда?

– Чтобы ответить на этот вопрос, сначала я должна тебе кое-что рассказать.

И мама пустилась в длинный, запутанный рассказ.

– Давным-давно, когда Леша был молодой, такой, как сейчас мы с папой, – начала она и глотнула кофе, – у него был лучший друг, дядя Боря.

– Ага.

– У Оли тоже была лучшая подруга, – продолжила мама. – Звали ее тетя Лена. Тетя Лена была очень умная и красивая. Еще она играла на пианино, танцевала, ходила по музеям и театрам. В общем, дядя Боря потерял голову.

– Как потерял? – ужаснулась я.

– Ну то есть он влюбился в тетю Лену. Потом они поженились, родили детей и уехали в Америку, в Нью-Йорк.

– Неужели сейчас случится какая-то трагедия, как в Бабушкиных сериалах?

– Не переживай, – улыбнулся папа. – Эта история со счастливым концом.

Мама отхлебнула еще кофе и продолжила:

– Прошло много лет, дети дяди Бори и тети Лены выросли и уехали учиться в университеты в другие города. И сейчас тетя Лена с дядей Борей продают свой большой загородный дом под Нью-Йорком и переезжают в квартиру в центре города, чтобы тетя Лена могла ходить по театрам и музеям.

– Ну а мы-то тут при чем?

– При том, что в старом доме остается много мебели, которая им больше не нужна. И они отдают ее нам.

Вот уж действительно – история со счастливым концом.

Чтобы добраться до дома дяди Бори и тети Лены, мы долго-долго ехали на метро, а потом еще столько же на фургоне для перевозки мебели, который мы арендовали.

Метро в Нью-Йорке было совсем не похоже на московское метро: ни мраморных сводов, ни скульптур, ни огромных люстр. Вместо этого – низкие потолки, стальные колонны, выкрашенные в зеленый цвет, рекламные вывески, красные указатели со словом exit, выход. И линии метро здесь назывались не длинно и замысловато, как в Москве – Замоскворецкая, Арбатско-Покровская, Сокольническая, – а просто буквами английского алфавита.

Мама рассказала, что нью-йоркское метро – это одна из достопримечательностей города, наравне со статуей Свободы, Центральным парком и музеями, без которых не может жить тетя Лена. Метро здесь славится несколькими вещами: в нем столько линий, направлений и станций, что просто невозможно не запутаться; каждый день здесь ездят миллионы пассажиров (хотя в Москве – еще больше); а еще в вагонах метро постоянно выступают уличные артисты. Они поют, танцуют и стоят на голове. Некоторые просят пассажиров отблагодарить их деньгами. А другие – нет, потому что просто выступают в свое удовольствие.

И конечно, именно в тот день, в наш всего лишь второй день в Нью-Йорке, в нашу первую поездку в нью-йоркском метро, именно в наш поезд, именно в наш вагон вошел, вернее прокрался... ну как вам объяснить, кто это был... В общем, инопланетянин.

На нем был черный блестящий облегающий костюм. Пальцы его рук были в два раза длиннее человеческих, серая остроконечная голова вертелась из стороны в сторону, а коричневые глаза размером с грушу вылезали из орбит. Инопланетянин вращался вокруг шестопоручня, подкрадывался к пассажирам и шевелил своими страшными пальцами у них перед носом.

Честно говоря, я не была до конца уверена, артист ли это в маскарадном костюме или настоящий инопланетянин – ну мало ли что у них тут в Нью-Йорке происходит. От страха я вцепилась в папину руку. Но никто из других пассажиров даже бровью не повел! Одни читали, другие смотрели в экраны своих телефонов, третьи слушали музыку в наушниках. На кривляния инопланетянина они не обращали ровно никакого внимания.

– Мам, а почему им не страшно? Ну или хотя бы не интересно?

– Это Нью-Йорк, – со знанием дела ответила мама. Она провела здесь на неделю больше нас и считала себя экспертом. – Чтобы удивить пассажира нью-йоркского метро, нужно очень постараться.

Не дождавшись достойной реакции от публики, инопланетянин вышел вместе с нами на конечной станции и пошел куда-то по своим делам.

А мы пошли по своим – нас уже ждали дядя Боря и тетя Лена, а нам еще нужно было арендовать фургон для перевозки мебели.

Дом дяди Бори и тети Лены был огромный, прямо как в Бабушкиных сериалах – с большим крыльцом, гостиной, столовой, несколькими спальнями и задним двориком, где бегала собака Молли, такса. Для полного сходства с Бабушкиными сериалами здесь не хватало только горничной в фартуке.

Тетя Лена и правда оказалась очень красивой. У нее были длинные светлые волосы и красное цветастое платье. Теперь мне стало понятно, почему дядя Боря потерял голову.

Дядя Боря носил очки, а его кудрявые волосы торчали в разные стороны. Если верить фотографиям, которые висели на стенах, когда-то дядя Боря был брюнетом, а сейчас он начал седеть и от этого казался еще добрее.

– Забирайте все, что вам нужно, – объявила тетя Лена. – Чем больше, тем лучше!

А нужно нам было много всего. Мы взяли коричневый диван, двуспальную кровать, полковик для прихожей, обеденный стол и стулья, белые тарелки в синий цветочек, дуршлаг, столовые приборы, книжные полки, одеяла, подушки, маскарадное платье принцессы, которое когда-то давно носила дочка тети Лены и дяди Бори, и плюшевого мишку в смешном комбинезончике, который валялся в глубине шкафа в бывшей детской комнате. Я назвала его Штанишкин.

Вот чего не было у дяди Бори и тети Лены, так это детской кровати – потому что их дети уже давно выросли. Так что мою кровать мама заказала по интернету, ее должны были доставить вечером.

Пока мама с папой и тетей Леной носили оставшиеся коробки в фургон, мы с дядей Борей болтали на кухне. Он поставил на плиту кастрюльку с молоком, чтобы сварить нам какао.

– Знаешь, Анечка, было время, когда мы с твоим дедушкой Лешей были самыми веселыми ребятами во всем университете, а может даже, во всей Москве. Мы все время попадали в какие-то приключения.

– Да? – обрадовалась я. – Расскажите!

– Ну, например, однажды мы купили сгущенку и решили сварить ее. Потому что, Анечка, запомни – вареная сгущенка вдвое вкусней обычной.

– Запомнила.

– Мы налили в кастрюлю воды, положили туда банку со сгущенкой и пошли к еще одному нашему товарищу играть в преферанс. Преферанс – это такая карточная игра. Я думаю, со временем Леша научит тебя в нее играть. Так вот, мы думали, что сыграем одну быструю партию и вернемся на кухню. Но игра затянулась, вся вода в кастрюле выкипела, и наша банка взорвалась. Когда мы пришли на кухню, вареная сгущенка стекала со стен и с потолка. Мы оттирали ее весь вечер.

– Ничего себе!

– Так что запомни: когда варишь сгущенку, нужно следить, чтобы не выкипала вода.

– Запомнила.

Дядя Боря налил в две чашки горячего молока, размешал какао и подвинул одну из них мне. Потом достал из шкафа пакет, вынул из него несколько маленьких белых шариков, похожих на комочки ваты, и положил их мне в какао.

– А что это такое?

– Это маршмэллоу, что-то вроде зефира. Попробуй, очень вкусно. Его едят с какао, а еще поджаривают на костре.

Как мне нравился дядя Боря!

– А еще что-нибудь расскажите, – пробормотала я с полным маршмэллоу ртом.

– Когда твоему дедушке Леше исполнилось двадцать пять лет, он устроил такую вечеринку, о которой до сих пор, я думаю, помнит вся Москва. Сколько там было танцовано, сколько спето, сколько много еще чего! Между прочим, именно там я и познакомился с тетей Леной, – с придыханием рассказывал дядя Боря. – Правда, на этой вечеринке по моей вине произошло одно небольшое недоразумение. Вернее, если быть честным, довольно большое недоразумение. Мне потом было очень неловко перед Лешей.

– И что же вы такого сделали?

– Видишь ли, Анечка, мне очень понравилась тетя Лена, и я захотел произвести на нее впечатление. Я сказал, что смогу так лихо открыть бутылку шампанского, что пробка долетит до потолка.

– Ух ты!

– И пробка действительно долетела, только не до потолка...

– Так это вы? – выпалила я. – Это вы разбили Лешину люстру?

– Откуда ты знаешь?! – От неожиданности дядя Боря поперхнулся какао.

Я не верила своим ушам!

– Дядя Боря! Я столько раз слышала эту историю от Лешки и вот наконец познакомилась с ее героем. Как я рада! Для меня это большая честь!

Родители набили наш фургон доверху, так что не поместившиеся коробки с тарелками в синий цветочек и вилками дребезжали с нами в водительской кабине всю дорогу домой. За рулем сидел довольный папа – ему было очень интересно управлять таким фургоном. Мама тоже была в приподнятом настроении: она сказала, что эти тарелки похожи на гжель, которую коллекционирует Оля, и что это хороший знак. Я сидела молча и просто смотрела по сторонам.

В тот вечер наша квартира перестала быть голой. Родители расставили мебель и разложили по полкам одежду, я вынула из чемодана свои игрушки, а на холодильник мы повесили магниты и фотографии, которые раньше висели у нас в Москве. Но мне все равно было грустно.

Я лежала на своей новой кровати из интернета, укрытая одеялом дяди Бори и тети Лены. Одеяло было теплое и уютное, хоть и старое. Видно было, что под ним спали и дядя Боря с тетей Леной, и их дети. А если принюхаться, то становилось понятно, что и такса Молли, наверное, тоже иногда лежала на нем.

Как же так, думала я, весь наш дом, моя кровать, все наши вещи, вид за окном, все-все осталось там, в Москве, – а мы теперь здесь. Почему? Зачем?

Но я закутывалась поуютнее в одеяло, и мне становилось немного легче от мысли, что и это одеяло, и вся мебель в нашей нью-йоркской квартире достались нам от Олиных и Лешиных друзей – как будто, проводив нас тогда на перроне, Оля с Лешей передали нас в другие заботливые руки.

Глава 5. Самый длинный день

Я стояла перед четырехэтажным зданием школы и что есть силы сжимала папину руку. Папа тянул меня вперед, но я не поддавалась.

Вокруг нас роилась пестрая, шумная толпа. Здесь были дети, родители, няни, коляски с орущими младшими братьями и сестрами. Перед глазами мелькали разноцветные рюкзаки, футболки с супергероями, кроссовки, сумки для ланча, заколки в волосах, мягкие игрушки и бутылки с водой.

У меня кружилась голова.

Первый день школы проходил в Нью-Йорке как-то странно. Никаких вам праздничных линейек, белых бантов, никаких песен и речей. Цветов тоже ни у кого не было. Родители просто подводили детей к входу в школу, обнимали, и те уходили внутрь через двойную дверь.

Только мы не двигались с места.

– Пап, как я там буду? Я ничего не понимаю по-английски.

Папа присел на корточки и обнял меня.

– Ты такая смелая, такая умная и талантливая, что не успеешь оглянуться, как будешь лучшей ученицей в этой школе, честное слово!

– Пап, я не хочу...

Уже прозвенел звонок, мимо нас прошмыгнуло еще несколько опоздавших детей, и возле входа в школу мы с папой остались одни. Через некоторое время к нам вышла молодая симпатичная женщина с длинными темными волосами и колечком в носу. Она улыбнулась и сказала папе что-то по-английски. Потом протянула руку в нашу сторону.

Нет, папа, пожалуйста, не надо... не отдавай меня ей...

Но папа передал женщине мою руку, и она потянула меня за собой.

Я уже приготовилась заплакать, но папа прокричал мне вслед:

– Не раскисать!

...Да, не раскисать. Эта драматическая история произошла прошлым летом на нашей подмосковной даче. В тот день Леша и Оля принимали на веранде гостей и, как водится, вели с ними скучные взрослые разговоры, а я от нечего делать забрела в наш знаменитый малинник. На самом деле он давно уже превратился в крапивник, но я все-таки надеялась отыскать там хоть пару ягодок.

Я долго плутала по крапивным джунглям, лавируя между жгучих зеленых кустов, и в конце концов все-таки нашла пару ягод. Именно так: две несчастные малинки. Я была так горда собой и так спешила похвастаться своей находкой, что не заметила могучий корень писательской сосны, который полз по земле. Я споткнулась об него и полетела – прямо в самую крапивную гущу.

Вообще-то обжечься крапивой – не такая уж и трагедия, с кем не бывало. Но на мне были только шорты и маечка, очередной подарок от Оли из «Детского мира», и поэтому на моем теле не осталось ни одного неужаленного места. Я заорала так, что если в малиннике еще и было несколько не обнаруженных мною ягод, то теперь они уж точно слетели от ужаса на землю.

Первым на место происшествия прибежал Леша, как водится, в своих красных штанах. Он поднял рыдающую меня на руки и вынес из крапивы. А потом поставил на землю и строго сказал:

– Не раскисать!

– Как это не раскисать? – От удивления я даже перестала плакать.

– А вот так – взять и не раскисать.

Тем временем к нам уже сбежались все: мама, папа, Оля, гости и Ляля.

– Бедная моя девочка, – застонала мама и бросилась обнимать меня и рассматривать ожоги.

– Ну зачем же ты туда пошла? – сокрушался папа.

– Несчастный ребенок, – запричитала Оля.

Ляля тоже хотела поучаствовать в этой семейной идиллии и поэтому принялась делать сразу все, что умеет: виляла хвостом, лаяла в голос, а потом легла на землю и раскинула в разные стороны все четыре лапы, требуя, чтобы ей почесали живот.

– Стоп, стоп, стоп. – Леша выставил перед собой ладонь, и все послушно замолчали. Даже Ляля прекратила елздить на земле. – Не мешайте нам, мы с Аней учимся не раскисать.

– Смотри на меня. – Леша набрал в легкие воздуха, задержал дыхание на несколько секунд, а потом выдохнул так сильно, что красные штаны вздулись у него на животе. – Ну давай! Теперь ты.

Я шмыгнула носом и тоже сделала глубокий вдох, затем выдох.

И вы представляете, у меня получилось! Я взяла и не раскисла!

...И вот теперь, когда незнакомая женщина в незнакомом городе и незнакомой стране уводила меня в незнакомую школу к незнакомым детям, чтобы учиться на незнакомом языке, я изо всех сил пыталась не раскисать. И, скажу я вам, хотя ни ноги, ни руки у меня не были обожжены крапивой, не раскиснуть было не очень-то легко.

Из школы меня забрала мама, и мне кажется, я никогда так не ждала ее, как в тот день. Так, наверное, устроены все люди: когда человеку грустно или страшно, он хочет к маме. Моя мама, например, уже совсем взрослая, но, когда идет к зубному врачу, всегда хочет к Оле. Так что уж говорить обо мне.

Мама спросила, как прошел мой первый день в школе, но я толком даже не смогла ничего ей рассказать. Я помню, что сначала повсюду стоял шум и гам, а потом я вдруг оглохла, перестала что-либо слышать, как будто в уши мне набили ваты. Или как будто я смотрела по телевизору фильм, в котором учительница и дети постоянно шевелили губами, что-то рассказы-

вали и о чем-то расспрашивали меня, но я не понимала ни одного слова, потому что кто-то отключил у телевизора звук.

Мама обняла меня крепко-прекрепко и объявила, что сегодня намерена избаловать меня так, как нам с Олей и не снилось. Мы сели на метро и поехали в Центральный парк, тот самый, о котором мне столько рассказывали.

Вблизи он и правда оказался гигантским, с Дедушкиной грядкой я, конечно, погорячилась. И в нем действительно было столько детских площадок, что мы с мамой даже запутались считать. На одной из них бил фонтан, в котором плескались дети.

Фонтан то замирал, и тогда вода исчезала, то оживал и выпускал высокую, сильную струю, которая сначала была вверх, а потом распадалась на множество мелких струек и поливала детей с ног до головы, как из душа, – под их оглушительный визг.

– Смотри, как здорово! – сказала мама. – Хочешь тоже?

Я замотала головой. Мне не очень хотелось лезть в воду. Купальника у меня не было, а мочить одежду я не хотела, да и настроение, честно говоря, у меня было не ахти.

– А давай вместе? – подмигнула мне мама и принялась расстегивать свои босоножки. Такой хитрый вид у нее был всегда, когда она затевала что-то хулиганское, что наверняка не понравится Бабушке.

– Но у тебя же платье...

– Один раз живем! – Мама взмахнула рукой.

Это была любимая Лешина фраза и его жест. Леша говорил так, когда вел нас в какой-то дорогой ресторан или засиживался допоздна с гостями и, несмотря на косые взгляды Оли, все подливал и подливал всем наливки.

У меня сжалось сердце. Я видела, как мама старалась, как хотела поднять мне настроение, развеселить меня. Она даже не пожалела своего нового бежевого платья, которое ей подарила Оля перед самым отъездом. Маме было грустно за меня, и от этого мне было еще грустнее.

– Ну ладно, – сказала я и постаралась улыбнуться. – Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Это была еще одна Лешина фраза.

Я скинула обувь и побежала вслед за мамой под фонтанный душ.

Потом мы катались на карусели, залезали на огромные валуны, ели хот-доги, лежа на траве. Хот-доги в Нью-Йорке оказались такие же, как и в Москве, только кетчупа и горчицы здесь добавляли больше.

Напоследок мы с мамой решили покататься на лодке в знаменитом пруду в самом центре парка.

Мама гребла, ритмично разрезая веслами воду, а я сидела на корме лодки в оранжевом спасательном жилете, подставив лицо под солнце. Мимо нас проплывала семья уток: деловая мамаша с гордо вытянутой шеей, а за ней, семеня лапками и стараясь не отставать, – выводок утят.

С одной стороны пруд обрамляли густые зеленые деревья, и если очень постараться, то можно было представить, что мы находимся в Ласковом, плывем себе по озеру на дальний пляж, и скоро, за поворотом, увидим небольшой островок – все называют его пупком – и полянку из кувшинок.

Или, может, это парк Горького в Москве? Мы с Лешей крутим педали катамарана и едим мороженое в вафельном стаканчике. И Леша осторожно намекает, интересуется – не сходить ли нам после парка в Третьяковку? Она здесь как раз недалеко... А я и не возражаю, я согласна! Я даже не буду ныть!

Но стоило мне посмотреть на противоположный берег, и все это сразу исчезло. Вместо деревенских домов и луга, вместо набережной Москвы-реки я увидела сверкающие нью-йоркские небоскребы.

- Ну что, пошли домой? – спросила мама, когда мы причалили к берегу.
- Пошли, – ответила я. А потом добавила тихо: – Только это не наш дом.

Вечером мы с папой и мамой ужинали за дяди-Бориным и тети-Лениным столом. Папа пересказывал нам сегодняшнюю лекцию в университете. Ученые опасаются, говорил он, что в будущем компьютеры станут такими мощными и умными, что смогут восстать против людей. Но папа обещал этого не допустить – для этого он и пошел учиться на программиста. Мама описывала папе наше героическое купание в фонтане. А я сидела и молча наматывала макароны на вилку.

После ужина мама проверила свою электронную почту и обнаружила там письмо от моей учительницы мисс Джонсон, той женщины, которой папа передал меня утром. Мисс Джонсон хвалила меня и говорила, что я большой молодец. Она даже сфотографировала меня на перемене на школьной площадке и послала фотографию маме.

На этом снимке почти весь наш класс висит на турнике вниз головой, а я стою одна, вдали от всех, и тереблю свою юбку. На белой футболке у меня наклеен бейджик с именем Анна. (Они произносили его «Энна» – даже имя у меня теперь было другое.) А на руке у меня блестит россыпь наклеек: звездочки, цветочки и смайлики – эти наклейки учительница раздавала детям в награду за успехи. Судя по моей руке, успехов у меня хоть отбавляй, только мне от этого не легче. Я смотрю не на камеру, а куда-то сквозь нее, и в отличие от моей руки, на лице у меня грустный смайлик.

В ту ночь мне приснилось, что мы в Москве, в нашей маленькой квартире, что сейчас вечер и к нам вот-вот придут в гости Рыжие, и мы с Андрюшей, как всегда, будем строить из лего самую высокую башню в мире. Мы с папой накрывали на стол, а мама взбивала тесто для яблочного пирога, когда в дверь позвонили.

Я ринулась открывать – и проснулась.

Это был вовсе не звонок в дверь, а сирена проезжавшей где-то рядом пожарной машины. Я сразу поняла, что ни в какой я не в Москве, а в Нью-Йорке, потому что даже звук пожарной сирены здесь был другой.

За окном в оранжевом свете фонарей высились многоэтажные здания с окнами, лестницами и вывесками. Небоскребы, как им и полагалось, скребли ночное небо. Все здесь было неродное. Даже луна, которая застыла на небе, вроде такая же круглая и желтая, как и дома, и та была чужой.

Я хотела обратно в тот сон, в нашу квартиру в Москве, к Рыжим. Мне было так грустно и одиноко. Ну зачем, зачем мы уехали в этот Нью-Йорк?

Родители спали в обнимку на своей кровати, будто две ложки: папа – большая, а в ней – маленькая, мама. Интересно, снился ли им, как и мне, наш дом?

Я заплакала, и мама проснулась.

– Солнышко мое... Девочка моя. – Она взяла меня на руки и отнесла к ним с папой в постель. Она положила меня между ними, буквой Ш, как тогда в гамаке. Я плакала, а мама гладила меня по голове и шептала: «Ш-ш-ш, ш-ш-ш». Папа тоже пытался меня успокоить, но мне было так грустно, что я захлебывалась в слезах.

– Мне приснилось, что мы дома и что к нам сейчас придут Рыжие, и мне было так хорошо. А потом я проснулась, – плакала я. – Я хочу домой.

– Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш, девочка моя, ш-ш-ш-ш.

– Я хочу домой, мам, я хочу домой.

– Давай кое-что попробуем, – сказала мама. – Закрой глаза. Хорошо?

Я закивала сквозь слезы.

– Закрыла? А теперь представь, что мы дома, в Москве, в нашей квартире.

– Представила, – всхлипнула я.

– Сейчас день или вечер?

– Вечер.

– Да, вечер – за окном уже темно. Слышишь? Звонят в дверь, это гости. Кто к нам пришел?

– Рыжие.

– Точно. Смотри, они заходят: Андрюша в своей красной шапке, за ним Дима с Мариной. Марина принесла что-то сладкое к чаю – вафельные трубочки! А тебе в подарок от Андрюши – лего, новый набор.

– И вино они тоже принесли, – добавил сонным голосом папа. – Дима всегда приносит красное чилийское.

– Взрослые сидят за столом, разговаривают, – продолжала мама. – А вы что делаете с Андрюшей?

– Мы залезли на спинку дивана и пытаемся не свалиться вниз. Ой, свалились. – Я улыбалась с закрытыми глазами. – А теперь мы скачем на диване.

– Хулиганы, – сказала мама ласково. – На диване прыгать нельзя, он и так старый, развалится. Идите лучше к нам за стол пить чай. Что ты будешь – трубочки или яблочный пирог?

– А можно и трубочки, и пирог?

– Хорошо, положу вам с Андрюшей и того и другого, только чур хорошо почистить зубы!

– Обещаю!

Я успокоилась, и меня стало клонить ко сну. Мама и папа лежали по обе стороны, теплые и родные. Я залезла поглубже под одеяло, уткнулась в маму и уже собиралась заснуть, как вдруг услышала всхлип. Я выбралась из-под одеяла и открыла глаза.

Мама гладила папу по голове. Папа зарылся лицом в подушку и плакал.

Глава 6. Американская школа

Пип-пи-и-ип. Пип-пи-и-ип. Пип-пи-и-ип.

Будильник на мамином телефоне звонил в без десяти минут семь.

– Еще три минуточки, – пищала я сквозь сон и зарывалась вместе со Штанишкиным глубже под одеяло.

– А можно пять минуточек? – сопела мама.

– Давайте уже десять, – бурчал папа.

Мы снова проваливались в сладкий утренний сон, а несчастный будильник продолжал надрываться каждые три, пять и десять минут, пока кто-то из нас троих не выпрыгивал из постели, словно укушенный в попу, с криком:

– Опоздаем!

Так начиналось у нас каждое утро.

Представьте себе, когда в одной квартире живут три студента, точнее, два студента и один ученик, и никому нельзя опаздывать на учебу! Нам нужно съесть три тарелки каши, выпить три стакана апельсинового сока, а еще две чашечки крепкого кофе, принять душ, почистить три ряда зубов, хотя нет, что я говорю, не три, а шесть! Одеться, расчесать три головы, заплести на одной из них две косички, собрать три рюкзака, три пакета с ланчем, одну бутылку воды и два термоса с чаем, вылететь из квартиры, отвести меня в школу, а родителям – убежать на лекции. Вот такая веселая у нас была жизнь.

Школа в Нью-Йорке была нисколько не похожа на мою школу в Москве. Собственно говоря, она вообще не была похожа на школу, – иногда мне даже казалось, что мама с папой ошиблись зданием, когда привели меня сюда в первый раз. Для школы здесь было слишком ярко, слишком шумно и слишком мало правил.

В Москве в нашем классе было всего три цвета. Белый: стены, тюлевые шторы, банты у девочек по праздникам. Коричневый: пол, парты, пиджак Елены Геннадьевны. Зеленый: доска

на всю стену, карта России и комнатные растения, которыми Елена Геннадьевна заставила учительский стол и подоконник.

А здесь у меня рябило в глазах.

Посреди класса лежал ковер, разлинованный на квадраты по цветам радуги: каждый – охотник – желает – знать – где – сидит – фазан. Интересно, в английском есть похожая запоминалка? Ярко-желтые стены были обклеены разноцветными плакатами. На оранжевом – названия месяцев и дней недели. На голубом – слова со сложным правописанием. На красном – детские лица: веселое, грустное, сердитое, озадаченное, – чтобы мы учились по этим картинкам понимать свои эмоции. На розовом плакате было нарисовано четыре мусорных бака: для стекла, пластика, металла и бумаги – так нас учили сортировать мусор и беречь планету. И все остальное, все, что было в классе – парты, шкафчики для одежды, стаканы для карандашей, папки с бумагой, – все было как в калейдоскопе.

Смотря на наш класс, я поражалась, какой большой и интересный, оказывается, мир, как много в нем людей, стран и культур. Здесь были дети с разным цветом кожи и волос, с разной формой глаз и разными прическами. Волосы у девочек рассыпались по плечам, лежали в тончайших косичках, прятались под черным платком. Бантов не было ни у кого. А вот мальчики были пострижены так, как это всегда бывает у мальчишек: ежиком или шапочкой.

Ну и одевались здесь все кому как вздумается: мелькали шорты, лосины, джинсы – с дырками и без, платья принцесс, летние сандалии и сапоги на меху.

Наша учительница мисс Джонсон тоже выглядела необычно. Ее длинные волосы были наспех собраны в пучок и закреплены простым карандашом с ластиком на конце. Несколько прядей в челке отливали фиолетовым, а на запястье красовалась татуировка: выпрыгивающий из воды дельфин.

Кроме дельфина в нашем классе было еще одно животное – маленькая сухопутная черепаха, мальчик. Его звали Джордж Вашингтон – в честь первого американского президента. Коротко – Джордж.

Он обитал в стеклянном террариуме на подоконнике около стола мисс Джонсон. Мы кормили его листьями салата, подливали ему воды и меняли опилки. Джордж жил в школе с понедельника по пятницу, а на выходные его забирала к себе домой мисс Джонсон или кто-то из учеников.

Учебный день начинался на полу. Мы рассаживались в круг на радужном ковре, скрестив ноги, как индийские йоги. Мисс Джонсон тоже сидела среди нас, и ее коленка весело просвечивала сквозь дырку на джинсах.

– Доброе утро, кометы! – говорила она.

Кометы – это символ нашей школы.

– Доброе утро, мисс Джонсон, – отвечали мы.

А потом вскидывали руки вверх и кричали хором:

– Up! Up! Up! Вверх, вверх, вверх!

Это был боевой клич комет, его придумали сами дети.

Вообще-то вверх летят ракеты, а кометы двигаются по орбите вокруг солнца, думала я. Но как им это втолковать...

Затем мы все приветствовали друг друга, двигаясь по часовой стрелке от одной кометы к другой. На зеленом плакате было нарисовано, как это можно сделать: столкнуться с соседом кулачком, fist bump, или ладошками, high five, пожать руку, hand shake, помахать, wave, или обнять того, кто сидит рядом, give a hug. А потом обязательно пожелать соседу хорошего дня.

– Good morning, Anna. Доброе утро, Энна, – говорила мне Райли, чернокожая девочка с копной тонких косичек, на которые были нанизаны разноцветные бусинки. Она хлопала своей

ладошкой об мою, и ее косички весело стучались друг о друга: клик-клик-клак. – Have a good day. Хорошего тебе дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.